

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.4.06

А. Г. Санина

**СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
СУБСТАНЦИОНАЛЬНЫЙ, ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ И
ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ АСПЕКТЫ**

Тема формирования гражданской идентичности в российском обществе приобретает в последнее время особую значимость и привлекает внимание не только ученых, но и широкого круга общественности. Понятие «идентичность» используется в научной литературе, политических заявлениях, сообщениях средств массовой информации, повседневном дискурсе. Как известно, потребность в самоидентификации актуализируется в периоды перестройки социальных отношений, разрушения прежней и формирования новой идеологии, нестабильности внутренней и внешней политики. З. Бауман отмечает, что обсуждение проблемы идентичности «может сказать больше о нынешнем состоянии человеческого общества, чем известные концептуальные и аналитические результаты его осмысления» [6, с. 176–177]. Вопрос о содержании этого понятия и о путях выработки и укрепления общих для государства и смыслов определяет поле публичной дискуссии. Для повседневности же, в которой живет современный индивид, становится все более актуальной проблема «реальности» и множественности мнений, вариативности социальных действий и их последствий. В российском обществе сегодня обостряется проблема когнитивного и эмоционального выбора, которую стараются регулировать разные эксперты — представители теоретического и практического знания, развивающие теоретические и прикладные аспекты феномена гражданской идентичности.

Необходимо отметить, что для отечественной научной традиции понятие гражданской идентичности является относительно новым: до 90-х гг. XX в. оно включалось в рамки концепта «этнического/национального самосознания», характеризующего прежде всего принадлежность индивида к этнической общности на основе разделяемых представлений об общей территории, языке, культуре, истории и государственности, а также этнических ценностей, интересов. Данная трактовка используется представителями примордиалистского направления (Ю. В. Бромлеем, Л. Н. Гумилевым), информационной теории этничности (С. А. Арутюновым, Н. Н. Чебоксаровым), конструктивистского направления исследования этнического самосознания (В. А. Тишковым), а также сторонниками мультипарадигмального подхода к изучению феномена национальной идентичности (Ю. В. Арутюняном, Л. М. Дробижевой, А. А. Сусокловым).

Вместе с включением в российский научный дискурс западных теорий наций и на-

ционализма (в частности, концепций Э. Эриксона, Дж. Г. Мида, Г. Тэжфела, Дж. Тернера). В отечественных исследовательских работах все большее распространение получают термины «этническая идентичность» и «национальная идентичность», которые в связи с акцентом на анализ системообразующих и структурно-конституирующих практик этнической группы или сообщества более релевантны социологической и социально-психологической исследовательским парадигмам. Идентичность в данном контексте — это не только идентификация людей с соответствующей общностью, но и представления об этом объединении («образ мы» включает конструкты себя и других), а также о характеристиках данной группы: культурных, религиозных, лингвистических, территориальных, исторических и т. д. Чем больше в общности число разделяющих единую идентичность, тем выше вероятность совместных действий в ее интересах [2, 9].

В иерархии компонентов индивидуальной и, в особенности, групповой идентичности государственная идентичность обычно квалифицируется как доминантная: она олицетворяет качество отношения субъектов к наиболее значимому социально-политическому институту — государству. Государственная идентичность, как правило, описывается такими элементами как понимание исторической общности территории, законов и институтов, общность гражданства; политическое равенство граждан, выраженное в действующей системе прав и обязанностей, наличие у граждан политического сознания равенства перед законом, приверженность определенной системы политических принципов или идеологии; доверие к политическим институтам и равенство политических прав; общность гражданской культуры и идеологии, желание и согласие быть частью государства [4].

Действительно, в государственной идентичности достигается концентрация важнейших жизненных устремлений граждан, она — результат действия интегрирующих центростремительных сил, отражающая уровень гражданственности народа, его единства с государством и обществом. Гражданская идентичность является фактором консолидации вокруг интересов страны, поэтому степень ее укорененности в сознании и действиях граждан — залог политической, духовной консолидации, единства общества. Именно этот аспект выделяется в публичных выступлениях российских государственных деятелей, а также в большинстве отечественных научно-исследовательских работ, посвященных данной теме. Наиболее показательным примером здесь являются выступления Президента — ежегодные Послания Федеральному собранию, обращения к народу, в которых содержится комплекс идей об основах российской гражданской идентичности: это идеи сильного государства, необходимости современной армии и флота, возрождения России как великой державы и завоевания ею достойного положения в современном мире, гордости за великое прошлое страны, российского патриотизма, мультинациональных и многоконфессиональных характеристик российского государства и др. При этом отсутствие концептуально разработанной, теоретически оправданной и систематизированной государственной идеологии, национальной идеи, придающей общий смысл и содержание российской идентичности рассматривается как серьезное препятствие прогрессивному развитию общества и государства [8, с. 3–7]. Вместе с тем традиционно выделяемые единицы гражданской идентичности носят преимущественно политический характер, а основным (а иногда и единственным) субъектом формирования данного феномена признается государство. В современном же обществе, с нашей точки зрения, особую актуальность приобретают специфически социальные основания гражданской идентичности, обуславливающие социокультурный характер процесса ее формирования. Они предстают в трех аспектах: субстанциональном, отражающем специфику «материала», из которого складывается данный феномен; пространственном,

характеризующем особенности границ идентификационного взаимодействия; деятельностью, описывающем основные социальные институты, участвующие в процессе формирования гражданской идентичности. Рассмотрим выделенные аспекты подробнее.

Субстанциональный аспект реализуется в трех наиболее субстанциональных основаниях гражданской идентичности: это социальная память, социокультурный опыт и социально-значимое знание [8, 10].

Социальная память представляет собой совокупность социокультурных институтов, осуществляющих преобразование актуальной социальной информации в ретроспективную с целью сохранения накопленного опыта и передачи его от поколения к поколению. Этот процесс — неотъемлемая часть жизнедеятельности людей, так как память является источником социальной динамики и условием самоидентификации личности, социальной группы, общества в целом. В структуре социальной памяти можно выделить несколько компонентов, таких как историческая, политическая, экономическая, культурная, этносоциальная память [8, с. 148].

Историческая память отражает накопленный исторический опыт и проявляется в структуре сложившихся норм, образцов, традиций, ценностей, которые характеризуют путь развития государства от древности до современного состояния. Она одновременно является причиной и следствием гражданской идентичности, удерживая все, что признается необходимым для ориентации во временных и территориальных рамках государства, в котором живет индивид. Политическая память также важна для процессов формирования гражданской идентичности, поскольку связана с определением содержания и форм государственного устройства, функций и задач политической власти, особенностей взаимоотношения с другими государствами. Она проявляется во взглядах, в навыках политической деятельности, специфике политической культуры [1]. Экономическую память можно рассматривать как систему принципов производства, распределения, обмена и потребления, традиционных для той или иной социальной общности и отражающую необходимость принятия решений об использовании ограниченных ресурсов для удовлетворения неограниченных человеческих потребностей. Экономическая память тесно связана с политической, так как проблема хозяйственной организации в каждом обществе решается специфическими методами, характерными для того или иного политического режима. Культурная память отражает связь между поколениями, состоящую в накоплении, сохранении и распространении опыта общественной жизни [13] и представляет собой динамическое образование, охватывающее социальные отношения, направленные на создание материальных и духовных ценностей, обеспечивающих взаимопонимание людей в различных социальных ситуациях. Этносоциальная память определяет форму аккумуляции и трансляции социально-этнического опыта с учетом информации, знаний, моделей поведения, регламентирующих и регулирующих деятельность человека как представителя того или иного этноса.

Социокультурный опыт представляет собой существующие в общественном сознании формы реализации социально значимых деятельностных и интеракционных практик, которые используются, в том числе, для поддержания необходимого уровня социальной консолидированности общества. Социальный опыт аккумулирует мотивационные, социально-организационные, регулятивные, информационно-коммуникативные и инновативно-творческие «срезы» деятельности индивидов и социальных групп, транслируясь в ходе социализации и инкультурации личности. Именно поэтому он является значимым аспектом формирования гражданской идентичности.

Аккумуляция и трансляция социокультурного опыта неразрывно связана с накоплением и передачей новым поколениям *социально значимого знания* — информации об

окружающем мире и опыте коллективной жизнедеятельности людей, способствующие повышению эффективности взаимодействия, а также снижению остроты и разрешению возникающих противоречий и напряжений. Социально значимое знание, таким образом, выполняет функцию воспроизводства ценностных образцов, которые являются основой функционирования общественной системы в целом и конструирования гражданской идентичности, в частности [11, с. 15–16]. В результате накопления индивидуальных и групповых представлений о реальности повседневной жизни, объективированных в языке и материальной культуре, составляется социальный запас знания, доступный индивиду в повседневной жизни. По определению социологов П. Бергера и Т. Лукмана, знание представляет собой «сердцевину фундаментальной диалектики общества», так как оно «программирует каналы, по которым в процессе экстернализации создается объективный мир» [7, с. 111].

Таким образом, социальная память, социокультурный опыт и социально значимое знание представляют собой субстанциональные основания гражданской идентичности, отражающие его социальную природу. Именно они позволяют индивиду и социальным группам осознавать свое место в истории конкретного государства, обосновывать значимость собственной культуры и соотносить ее с ценностями других культур, существующих в пределах политически и социально определенных границ.

С определенностью границ непосредственно связан второй из выделенных нами аспектов гражданской идентичности в современном обществе — пространственный. Традиционная трактовка понятия «гражданская идентичность» неизбежно предполагает привязку жизнедеятельности той или иной социальной общности к более или менее определенным территориальным границам [12]. При этом предполагается, что для индивида механизм территориальной идентификации относительно постоянен: каждый человек обладает образом «Я – член территориальной общности», который вместе со способом соотнесения образа «Я» и образов территориальных общностей образует механизм территориальной идентификации [14]. Безусловно, не всегда территория, идентификацию с которой демонстрирует индивид, социальная группа или общность, имеет четкие административно-территориальные границы, — однако привязка к местности как реально существующему, физическому объекту, существует практически во всех современных концепциях идентичности. Таким образом, «пространство» и «территория» категориально объединяются, характеризуя значимость учета географически определенных государственных границ в процессе формирования гражданской идентичности. Однако, с нашей точки зрения, при анализе данного феномена в ситуации современности критически важно учитывать две тенденции социального развития.

Первая тенденция связана с возрастающей ролью глобализационных процессов. Глобализация стала одним из ключевых понятий в современных социально-гуманитарных науках, описывая «размытие границ», влекущее за собой новый феномен «космополитической идентичности» индивидов, социальных групп и социальных институтов. Как указывает М. Кастельс, в обществе конца XX — начала XXI вв. все типы социальных отношений могут быть основаны на межнациональных связях и объединениях и, в большинстве случаев, не поддерживаться местом, происхождением или национальностью индивидов [3].

Вторая тенденция обусловлена все более интенсивным развитием так называемого «виртуального пространства», многократно усложняющим и умножающим массив информационных, коммуникативных, когнитивных, технологических, социально-культурных и других потоков в обществе. Интернет-пространство, построенное по принципу гипертекста, значительно расширяет возможности конструирования соци-

альной идентичности, в том числе, и идентичности гражданской, позволяя индивиду развивать систему исполняемых им ролей в различных ситуациях взаимодействия, высказывать свое отношение к актуальным проблемам, демонстрировать стратегии анонимности и публичности/приватности и использовать вариабельность коммуникативных практик для самореализации и самовыражения. Более того, само государство как поле идентификации перестает быть территориально определенным. Об этом свидетельствуют такие явления и процессы как феномен «электронного правительства», представленность многих государственных деятелей в блогосфере, деятельность форумов по ключевым вопросам развития государства и общества и т. д. В информационно-технологическом пространстве получает гипертрофированное развитие парадокс Г. Зиммеля, заключающийся в том, что житель большого города склонен к интеллектуализму и абстракции, ему безразлично близкое и интересно пространственно удаленное [5, с. 718]. В связи с вовлеченностью в сетевые сообщества все большего числа молодых людей сегодня, по нашему мнению, можно говорить о взаимном влиянии традиционного («реального») пространства взаимодействия и пространства сетевых интеракций на формирование гражданской идентичности. Именно взаимопроникновение «реального» и «виртуального» пространств, определяющих самоидентификацию индивида как члена того или иного государства, формирует пространственный аспект гражданской идентичности в современном обществе.

Изменение пространственных характеристик актуализирует еще один срез рассмотрения феномена гражданской идентичности — ее деятельностный аспект. Как указывает З. Бауман, проблема, стоящая перед людьми сегодня состоит «не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих принять ее, сколько в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность или лишится ее соблазнительных черт» [6, с. 185]. В ситуации множественности идентичностей, доступных индивиду, особую значимость приобретают социальные институты, активно участвующие в формировании гражданской идентичности. Важнейшим из них, безусловно, до сих пор остается государство как генератор особых, социально и политически определенных, ценностей и смыслов, от которых зависит стремление нации к успеху.

Однако в ситуации современности государство неизбежно сталкивается с необходимостью диверсификации власти, в том числе, в поле практики формирования гражданской идентичности. Национальные правительства вынуждены передавать властные полномочия, «открывать границы», транслируя приоритеты национального развития не непосредственно, а через призму деятельности других социальных институтов. С нашей точки зрения, основными из них являются наука, образование и бизнес, которые в своем взаимодействии воспроизводят формы социально-экономического и социокультурного взаимодействия, релевантные современным социальным процессам и обладающие значительным потенциалом общественных изменений. Все они выполняют ряд функций, без которых современное государство было бы нежизнеспособным: это производство и легитимация нового знания, воспроизводство профессионалов, изменение качества человеческого капитала и т. д. Наука, образование и бизнес в постоянном взаимодействии формируют мотивацию к инновационному, творческому поведению, целеполаганию на уровне больших социальных групп. Успешное развитие государства и, следовательно, процесс формирования гражданской идентичности зависит от приоритетов и качества взаимодействия этих субъектов общественного развития и встраивания их инициативы в общий национальный контекст.

В ходе этих процессов формируется гражданская картина мира, складывающаяся

на основе непрерывно воспроизводимой общей деятельности людей, способствующей самоорганизации индивидов, объединенных принадлежностью к одному государству как совокупности «мы», поддерживающих единую систему смыслов, убеждений, представлений о своей стране, о себе как гражданине, действующем на благо себе и государству. Все это способствует созданию особого социально-политического и культурного пространства норм, ценностей и моральных кодов, выстраиваемых в систему гражданских представлений и обеспечивающих консолидацию людей. Гражданская идентичность является источником и одновременно результатом этих деятельностных практик.

Таким образом, субстанциональный, пространственный и деятельностный аспекты гражданской идентичности отражают структурные изменения данного феномена в современном обществе, которые необходимо учитывать как в исследовательской практике, так и при реализации политики формирования гражданской идентичности в современном российском обществе.

Литература

1. *Brown N., Shevell S., Ripps G.* Public memories and their personal context. London; New York; Melbourne; Sydney, 1986. 398 p.
2. *Burton Y. W. (Ed.)* Conflict: Human Needs Theory. New Jersey, 1990. 463 p.
3. *Castells M.* Materials for an exploratory theory of the network society // *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51(1). P. 5–24.
4. *Shulman S.* Challenging the Civic. Ethnic and West: East Dichotomies in the Study of Nationalism // *Comparative Political Studies*. 2002. Vol. 35. №5. P. 554–585
5. *Simmel G.* Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung // *Georg Simmel Gesamtausgabe*. Bd. 11. Frankfurt a. M., 1992. 771 s.
6. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002. 390 с.
7. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995. 322 с.
8. *Грусман В. М.* Музей в системе формирования национально-государственной идеи. М., 2007. 264 с.
9. *Дробизева Л. М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. 376 с.
10. *Кравченко И. И.* Бытие политики. М., 2001. 255 с.
11. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1998. 270 с.
13. *Соколов А. В.* Структура социальной памяти общества. СПб., 2001. 7 с.
14. *Шматко Н. А., Качанов Ю. Л.* Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // *Социологические исследования*. 1998. №4. С. 94–101.

Статья поступила в редакцию 29 июня 2010 г.